

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ СВЯЗИ ПРОЗЫ В.П. КРАПИВИНА С РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ И ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИЕЙ

Ван Гоин, аспирант
Казанский федеральный университет
(Россия, г. Казань)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-3-2-174-178

Аннотация. Статья посвящена исследованию интертекстуальных связей в творчестве В.П. Крапивина и их роли в формировании художественного мира писателя. В работе рассматривается понятие интертекстуальности, введённое Ю. Кристевой и основанное на диалогической концепции текста М.М. Бахтина. Особое внимание уделяется взаимодействию произведений В.П. Крапивина с различными пластами русской литературной традиции. Анализ показывает, что в прозе писателя прослеживаются связи с романтической эстетикой XIX века, прежде всего с творчеством А.С. Пушкин и А.С. Грина, а также с традицией советской детской литературы, представленной произведениями А.П. Гайдара. Отдельное внимание уделяется использованию фольклорных мотивов и архетипических сюжетных моделей, таких как мотив путешествия, образ нравственно чистого героя и борьбы добра со злом. Делается вывод о том, что интертекстуальность выступает важным художественным принципом творчества В.П. Крапивина, позволяющим соединять элементы классической литературы, фольклора и современной подростковой прозы. Благодаря этому формируется оригинальная художественная система, отражающая нравственные и философские идеи автора.

Ключевые слова: интертекстуальность; Крапивин; русская литературная традиция; детская литература; фольклорные мотивы.

Понятие «интертекстуальность» впервые было введено французской исследовательницей Ю. Кристевой в 1967 году. Она рассматривала любой текст как «мозаику цитат», возникающую в результате взаимодействия и трансформации других текстов. Согласно её концепции, художественное произведение не является полностью автономным, а существует в системе культурных и литературных кодов [3].

Теоретической основой данной концепции во многом стали идеи М.М. Бахтина о диалогической природе художественного слова. По его мнению, текст можно трактовать как пространство взаимодействия различных смысловых позиций и «голосов», где автор вступает в диалог с современной ему культурой и литературным наследием предшествующих эпох [1].

В рамках литературоведческого анализа интертекстуальные связи рассматриваются как важный механизм художественного смыслообразования. Они позволяют выявить взаимодействие текстов разных эпох, показать преемственность литературных традиций и проследить, каким образом автор пере-

осмысливает культурное наследие в собственном творчестве. Особенно значимым данный подход оказывается при исследовании произведений писателей, активно работающих с мотивами, образами и сюжетами национальной литературы.

Особый интерес представляет творчество В.П. Крапивина, в произведениях которого можно обнаружить разнообразные интертекстуальные связи с русской литературной традицией. Их анализ позволяет выявить особенности художественного метода писателя и определить место его творчества в системе национальной культуры.

Исследователи отмечают, что интертекстуальные связи в прозе В.П. Крапивина часто имеют игровую природу и выполняют важную художественную функцию. В частности, Н.С. Кочнева рассматривает интертекстуальные «игры» как особый способ организации текста, при котором культурные и литературные отсылки становятся частью авторской стратегии построения художественного мира [2]. Такие элементы могут проявляться через имена персонажей, культурные ассоциации, а также скрытые цитаты и реминисцен-

ции, позволяющие читателю обнаружить дополнительные смысловые связи между текстами.

В прозе В.П. Крапивина интертекстуальные связи выполняют несколько функций: они расширяют культурный контекст произведения, углубляют характер персонажей и помогают раскрыть ключевые темы творчества писателя – тему детства, нравственного выбора и противостояния жестокости мира.

Герои его произведений чаще всего дети и подростки обладают выраженным чувством справедливости, стремлением к мечте и внутренней свободе. Подобный тип героя восходит к традиции русской романтической литературы XIX века. Для романтизма характерно изображение исключительной личности, обладающей богатым внутренним миром и стремящейся противостоять несправедливости действительности; внутренний мир такого героя отличается глубиной и уникальностью, а его идеалы нередко вступают в конфликт с реальностью [6]. Для романтизма детской литературы также характерно стремление найти друзей и это ярко проявляется в произведениях В.П. Крапивина.

Романтическое мироощущение особенно ярко проявляется в сказочной и фантастической прозе, жанрах, которые не ограничены требованием точного воспроизведения повседневной реальности. В таких художественных формах автор получает возможность выйти за пределы бытового описания и обратиться к более широкому философскому и экзистенциальным вопросам. Создавая собственную, условную или альтернативную модель мира, писатель-романтик стремится выразить свои нравственные и эстетические идеалы, а также осмыслить фундаментальные проблемы человеческого существования.

Творчество А.С. Грина занимает важное место в формировании художественного мира В.П. Крапивина и рассматривается исследователями как один из источников его романтической эстетики. Сам писатель отмечал, что сильное впечатление на него произвели произведения Грина, прежде всего «Алые паруса» и рассказ «Гнев отца». Эти тексты открыли для него особый художественный мир, так называемую «Гринландию», где морская романтика и образ паруса выступают символами мечты и внутренней свободы.

Рассказ «Гнев отца» неоднократно упоминается в произведениях Крапивина. Так, в книге «Семь фунтов брамсельного ветра» героиня вспоминает эту историю о мальчике, ожидающем возвращения отца-капитана, как один из самых сильных читательских впечатлений. Это не случайно: в обоих произведениях центральным оказывается мотив ожидания – мальчик у Грина ждет отца-капитана, героиня Крапивина ждет встречи с морской романтикой. Само название повести ("брамсельный ветер") отсылает к морской терминологии, создающей "гриновскую" атмосферу. К этому же тексту писатель обращается и в романе «Ампула Грина», где чтение рассказа становится для героя способом осмысления темы отцовской любви. Само название романа выносит имя Грина в заглавие, что является прямым указанием на ключевой интертекст. Герой осмысляет свою жизнь через «ампулу» – роль, подобную гриновским персонажам-мечтателям.

Сходство между художественными мирами двух писателей проявляется и на более общем уровне. Гринландия и созданные Крапивиним фантастические пространства, например, мир Великого Кристалла располагаются на границе реальности и чуда. Паруса, корабли и морской горизонт в их произведениях выступают символами стремления к свободе и идеалу, а герои – романтические мечтатели, готовые отстаивать нравственные ценности и противостоять несправедливости.

Помимо романтической традиции, представленной творчеством Грина, в прозе Крапивина отчетливо прослеживается обращение к классической русской литературе XIX века, прежде всего к наследию А.С. Пушкина. В центре такой традиции находится образ благородного героя, который действует в соответствии с кодексом чести, внутренней свободы и моральной ответственности. Именно подобный тип героя становится одним из ключевых в прозе В.П. Крапивина, где подростки выступают как носители высоких нравственных принципов и противостоят несправедливости окружающего мира.

В русской литературе XIX века, особенно в произведениях А.С. Пушкина, формируется образ героя, для которого понятия чести, достоинства и справедливости имеют первостепенное значение. Такой герой действует не только под влиянием обстоятельств, но преж-

де всего исходя из внутренних моральных убеждений. Подобная модель прослеживается в романтической традиции, где персонаж готов защищать слабых, отстаивать справедливость и сохранять верность своим принципам даже в сложных жизненных ситуациях. В.П. Крапивин переосмысливает этот тип героя и переносит его в пространство подростковой литературы. Например, «Капитанская дочка» (Петр Гринев) – образ благородного героя, действующего по законам чести. У Крапивина в «Мальчике со шпагой» Сережа Каховский действует по тому же внутреннему кодексу.

Если Пушкин и Грин задают романтический вектор, то в диалоге с советской детской литературой, в первую очередь с произведениями А.П. Гайдара, формируется иная грань крапивинского героя – его связь с коллективом и гражданским долгом.

Так в романе «Мальчик со шпагой» главный герой Сережа Каховский отличается обостренным чувством справедливости, готовностью защищать младших и слабых, а также стремлением следовать нравственным идеалам даже тогда, когда это требует личной жертвы. Особое символическое значение в романе имеет образ шпаги. В культурной традиции шпага является атрибутом дворянской чести и рыцарского достоинства, а потому выступает символом благородства и ответственности [5]. В романе В.П. Крапивина этот предмет приобретает не столько военное, сколько нравственное значение. Шпага становится знаком верности принципам чести и справедливости, своеобразным символом внутреннего кодекса героя.

Интертекстуальная связь произведений В.П. Крапивина с традицией советской детской литературы проявляется, в частности, в диалоге с творчеством А.П. Гайдара. Он считается одним из ключевых авторов, сформировавших модель героя-подростка в советской литературе, и многие элементы этой модели получают дальнейшее развитие и переосмысление у В.П. Крапивина.

Герои А.П. Гайдара стремятся защищать слабых, помогать окружающим и действовать в интересах общества. При этом их деятельность обычно осуществляется в рамках коллективного действия: подростки объединяются в группы, команды или товарищества, которые становятся важным социальным инсти-

тутом внутри повествования. Коллектив здесь выступает не только как средство достижения целей, но и как пространство формирования личности, где герой учится дисциплине, ответственности и гражданскому долгу. Наиболее известным произведением Гайдара, задавшим эту модель, стала повесть «Тимур и его команда», где подростки объединяются в тайное общество, чтобы помогать людям. Тимуровское движение строится вокруг коллективной помощи и скрытой от взрослых деятельности – именно этот принцип впоследствии будет переосмыслен Крапивиним.

В романах «Мальчик со шпагой», «Голубятня на жёлтой поляне» и «Журавлёнок и молнии» В.П. Крапивина также присутствует образ подростка, обладающего обострённым чувством справедливости и готовностью защищать тех, кто оказался в уязвимом положении. Однако у В.П. Крапивина этот герой гораздо более индивидуализирован. Он нередко оказывается в ситуации нравственного выбора, где решение необходимо принимать самостоятельно, иногда даже вопреки мнению окружающих взрослых или сверстников.

Если у А.П. Гайдара моральная позиция героя часто подтверждается и поддерживается коллективом, то у В.П. Крапивина она становится внутренним личностным выбором. Герой В.П. Крапивина может быть одинок в своей правоте, и именно это одиночество нередко становится важной частью его нравственного становления. Такая трансформация образа подростка отражает изменение художественной модели детской литературы: от коллективистской парадигмы, характерной для ранней советской прозы, к более психологически углублённому и индивидуалистическому осмыслению детского опыта.

Наряду с литературными источниками, важнейшим пластом интертекстуальных связей прозы Крапивина является русский фольклор. Сказочные мотивы и архетипические образы органично вплетаются в ткань его произведений.

Интертекстуальные связи проявляются также через устойчивые мотивы и архетипические образы. Одним из таких мотивов является мотив дороги или путешествия, который символизирует процесс взросления героя. Подобный мотив широко распространён как в мировой, так и в русской литературе и связан с жанром воспитательного романа [4]. В про-

изведениях В.П. Крапивина путешествие часто приобретает символическое значение: движение героя через пространство сопровождается внутренним развитием личности. Такой сюжетный принцип можно наблюдать в ряде произведений писателя, где подростки оказываются в ситуации морального выбора и проходят через испытания, формирующие их характер.

В творчестве В.П. Крапивина заметную роль играют мифологические и сказочные элементы, которые восходят к традициям русского фольклора. Писатель активно использует архетипические структуры народной сказки: мотивы волшебных предметов, путешествий между мирами, борьбы героя со злом и особого «чистого» героя-ребёнка. Однако эти элементы не воспроизводятся буквально, В.П. Крапивин переосмысляет их и соединяет с фантастикой и современной подростковой проблематикой. Благодаря этому создаётся сложная система интертекстуальных связей между его произведениями и традициями фольклора.

Мотив волшебного предмета, широко распространённый в русских народных сказках. Так, в сказке «Царевна-лягушка» волшебный клубок указывает Ивану-царевичу путь; в «Марье Моревне» аналогичную функцию выполняют перстень или платок. В «Финисте – ясном соколе» волшебное пёрышко помогает героине встретить возлюбленного. В фольклоре такие предметы, например, меч-кладенец или волшебный клубок, помогают герою преодолеть испытания и переходить из одного пространства в другое. Аналогичную функцию выполняют некоторые предметы в произведениях В.П. Крапивина. Так, в романе «Голубятня на жёлтой поляне» необычный мячик обладает особыми свойствами и способен нарушать привычные законы пространства и времени. С его помощью герои могут преодолевать границы между различными реальностями. Подобно сказочным артефактам, этот предмет становится посредником между мирами и помогает героям вступить в борьбу со злом.

С волшебным предметом тесно связан другой фольклорный мотив – путешествие между мирами. В русских сказках герой часто отправляется в «тридевятое царство» или в «подземный мир», преодолевая границу меж-

ду различными уровнями реальности. В произведениях В.П. Крапивина, например, как в циклах «В глубине Великого Кристалла» и «Сказки и были Безлюдных Пространств» эта структура проявляется через систему параллельных миров.

В русских сказках именно «младший сын» оказывается носителем истины и нравственной чистоты. Подобная модель прослеживается и у В.П. Крапивина. Герои его произведений – подростки, обладающие сильным чувством справедливости и способностью противостоять злу благодаря нравственной искренности.

В русских сказках герой нередко должен победить чудовище, например, Змея Горыныча или Кошечу Бессмертного. У В.П. Крапивина зло приобретает более сложные формы: это могут быть враждебные цивилизации, безличные силы или системы, стремящиеся подавить свободу личности. Например, в «Голубятне на жёлтой поляне» герои противостоят могущественным силам, угрожающим различным мирам и их жителям. Хотя такое зло имеет фантастический характер, сама структура конфликта напоминает сказочный сюжет о борьбе героя с чудовищем.

Проведенный анализ показывает, что интертекстуальность в прозе В.П. Крапивина выступает важным художественным принципом, позволяющим автору объединить различные культурные традиции. Наиболее отчетливо это проявляется в диалоге с романтической эстетикой (А.С. Грин, А.С. Пушкин), где формируется тип героя-мечтателя, наделенного обостренным чувством справедливости. Связь с советской детской литературой, прежде всего с традицией А.П. Гайдара, проявляется в организации детского братства, однако у Крапивина коллектив уступает место индивидуализированному герою, способному на одиночное противостояние. Наконец, обращение к фольклорным мотивам (волшебные предметы, путешествия между мирами, образ «чистого» героя) позволяет писателю создать многомерную модель мира, где сказочная логика органично соединяется с современной подростковой проблематикой. Через переосмысление литературного и фольклорного наследия Крапивин формирует оригинальную художественную систему, отражающую его нравственные и философские идеи.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
2. Кочнева Н.С. Функциональная роль интертекстуальных игр в художественном тексте В.П. Крапивина // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. – 2020. – Т. 6, № 1 (21). – С. 35-47. – DOI: 10.21684/2411-197X-2020-6-1-35-47.
3. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – 1995. – № 1. – С. 97-124.
4. Кузьмина Л.Я., Петрова Е.В. Мотив дороги и дорожная символика в произведениях В.Г. Короленко «Ат-Даван», «Феодалы» и А.И. Гончарова «Фрегат «Паллада» // Современное педагогическое образование. – 2021. – № 11. – С. 247-250. – DOI: 10.24412/2587-8328-2021-11-247-250.
5. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). – СПб.: Искусство-СПБ, 1994. – 399 с.
6. Манн Ю.В. Поэтика русского романтизма. – М.: Наука, 1976. – 375 с.

**INTERTEXTUAL CONNECTIONS OF V.P. KRAPIVIN'S PROSE WITH
RUSSIAN LITERARY AND FOLKLORE TRADITION**

Wang Guoying, *Postgraduate Student*
Kazan Federal University
(Russia, Kazan)

***Abstract.** The article examines the intertextual connections in the works of V.P. Krapivin and their role in shaping the writer's artistic world. The study considers the concept of intertextuality introduced by J. Kristeva and based on the dialogic theory of text developed by Mikhail Mikhailovich Bakhtin. Special attention is paid to the interaction between Krapivin's works and different layers of the Russian literary tradition. The analysis shows that the writer's prose demonstrates connections with the romantic aesthetics of the nineteenth century, particularly with the works of A.S. Pushkin and A.S. Grin, as well as with the tradition of Soviet children's literature represented by the works of A.P. Gaidar. The article also examines the use of folklore motifs and archetypal narrative models, such as the motif of the journey, the image of a morally pure hero, and the structure of the struggle between good and evil. The study concludes that intertextuality functions as an important artistic principle in Krapivin's works, enabling the author to combine elements of classical literature, folklore, and modern adolescent prose. As a result, an original artistic system is formed that reflects the writer's moral and philosophical ideas.*

***Keywords:** intertextuality; Krapivin's works; Russian literary tradition; children's literature; folklore motifs.*